

© 2007 г. С. МЕНГЕЛЬ

ОТРАЖЕНИЕ ПРОТЕКАНИЯ ДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

На основе анализа памятников восточнославянской письменности и современного состояния русского, украинского и белорусского языков доказывается, что в восточнославянских языках (в отличие от южнославянских), по всей вероятности, не существовало сложной системы прошедших времен, а процесс протекания действия во времени отражался (и отражается) преимущественно путем описания способа действия. Выдвигается гипотеза, что такое положение вещей объясняется восприятием протекания действия в сознании восточных славян прежде всего как продолжительного или непродолжительного процесса и только затем как процесса, происходящего в настоящем, прошлом или будущем.

Любое действие протекает во времени. Когнитивная связь между действием и временем осуществляется в сознании человека в двух плоскостях. Одна из них – дейктическая – категоризирует действия как явления прошлого, настоящего или будущего. В семантическом пространстве языка эта плоскость восприятия выражается грамматической категорией времени глагола, системой глагольных времен. Другая плоскость восприятия отражает действия как протекающие во времени продолжительные (дуративные) или непродолжительные (пунктивные) процессы. Ее характеристики в семантическом пространстве языка выражаются в первую очередь описанием способов глагольного действия.

1. ОПИСАНИЕ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИЙ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА В ИСТОРИЧЕСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ. НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕСМОТРА НАКОПЛЕННЫХ ЗНАНИЙ

1.1. В историческом языкознании принято считать, что в славянских языках обе плоскости восприятия, подвергнутые органичному синтезу, нашли свое отражение во взаимодействии глагольных категорий времени, вида и способа действия. Развитие славянского глагола в этом направлении осуществлялось, по мнению ученых, следующим образом [Aizetmüller 1978]: от оппозиции способов глагольного действия (д у р а т и в - н о с т ь : п у н к т и в н о с т ь) в объективной плоскости восприятия через дальнейшее детальное дифференцирование глагольного действия в прошлом к оппозиции во времени (н а с т о я щ е е : п р о ш л о е) в объективно-субъективной плоскости восприятия, что привело к возникновению категории вида. Ключевую роль при этом сыграло развитие различных значений аориста: корневого аориста, обозначающего пунктивное (моментальное) действие в прошлом, тематического аориста, маркирующего начало или конец дуративного действия в прошлом, и сигматического аориста, обозначающего ограниченное во времени дуративное действие в прошлом.

Принято считать, что в старославянском (древнецерковнославянском) языке, представляющем собой в известной степени фиксацию праславянского языка в период его распада, обнаруживаются следы подобного развития. Оппозиция способов глагольного действия представлена помимо однокоренных глаголов III-го и II-го классов, ср.: прыга-ти/прыгнѣти, индоевропейскими оппозициями, ср.: (вѣз)имати/(вѣз)ати, гладати/гладѣти, хватати/хватити. Аорист и имперфект, обозначающий неограниченное

дуративное действие в прошлом, функционируют в качестве живых форм претерита; при этом среди форм аориста наиболее продуктивны сигматические. Во 2-м и 3-м лице ед. числа, т.е. в наиболее частотных употреблениях, они совпадают с формами тематического аориста и подобны основе инфинитива, ср.: *хвати, гладѣ*. Корневой аорист выступает в виде отдельных непродуктивных форм, ср.: *пожрѣтъ, выстъ*. Категория глагольного вида находится в процессе развития, о чем свидетельствует отсутствие облигаторной видовой корреляции: целый ряд глаголов тяготеет к совершенному или несовершенному виду в зависимости от способа глагольного действия.

Разветвленная система прошедших времен старославянского языка включает в себя кроме выше названных простых претеритов – аориста и имперфекта – два сложных прошедших времени, образуемых с помощью причастия прошедшего времени на *-лѣ* и вспомогательного глагола *выти* – перфект и плюсквамперфект. Они обозначают действие прошлого, рассматриваемое с точки зрения настоящего.

1.2. Первый письменный язык славян, как известно, генетически восходит к южнославянским, македоноболгарским, диалектам. В современном болгарском языке сохранилась вполне идентичная система прошедших времен с четырьмя функционально задействованными формами претерита. Из западнославянских языков подобная система времен представлена в грамматиках серболужицкого. Современные же восточнославянские языки во главе с русским фактически не содержат формальных или семантических указаний на наличие у них в прошлом сложной системы прошедших времен: формальным репрезентантом категории прошедшего времени является единственно неспрягаемая форма на *-л*. В противоположность общепринятому в русистике мнению, что к неизбежной утрате системы прошедших времен вело развитие категории вида (ср. иное объяснение в [Гаспаров, Сигалов 1974]), современный болгарский язык, наряду с другими славянскими, обладает высокоразвитой категорией аспектуальности, проявляющейся также во всех формах разветвленной системы претеритов. В то же время содержание категории вида в различных славянских языках отличается своими когнитивными особенностями [Петрухина 2000].

Такое положение вещей, как нам кажется, свидетельствует о необходимости в определенной степени пересмотреть (или уточнить) общепринятое научное мнение о едином общеславянском развитии глагольных категорий времени, вида и способа действия, связанных с представлением о протекании действия и его отражением в языке.

В настоящей статье делается попытка осветить лишь один аспект данной проблематики, а именно, "дефективность" категории времени в восточнославянских языках. Не отрицая накопленных в этом плане сравнительно-исторической языковедческой наукой знаний о близком родстве славянских языков с индоевропейской языковой семьей, попытаемся рассмотреть выше названные особенности под углом зрения когнитивных процессов, учитывая возможность модификации и изменчивости языковой картины мира [Кубрякова 2004]. В нашем изложении будем исходить из новейших данных, полученных исторической наукой о языке и общим языкознанием, привлекая некоторые незаслуженно забытые грамматические теории прошлого.

2. СИНХРОННОЕ ОПИСАНИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ РУССКОГО ГЛАГОЛА В ИСТОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И ВЫВОДОВ

Один из замечательных представителей русской грамматической науки К.С. Аксаков высказал в свое время мысль о том, что для русского глагола категория времени морфологически нерелевантна: область претерита представлена в русском языке причастием, а будущее время выражается с помощью форм настоящего времени глаголов совершенного вида. Таким образом категория времени является в русском языке только "психологической и синтаксической". Морфологически релевантной и формально выраженной представляется единственно категория вида [Аксаков 1855/1875: 411 и сл.].

Развивая эту мысль, его последователь Н.П. Некрасов приходит к следующему выводу: «Быстрота, краткость, продолжительность, кратность проявления действия не нуждаются во времени и им не измеряются. <...> Время есть условие, под влиянием которого мыслится действие; продолжительность есть свойство, без которого немыслимо действие в русском глаголе. <...>» [Некрасов 1865: 139]. Далее он высказывает – отнюдь не бесспорное, но обоснованное – предположение о том, что в русском языке любая морфологическая форма глагола способна выражать любые временные значения.

Благодаря неординарным, хотя и не бесспорным, идеям этих ученых – назовем здесь также имена А.В. Болдырева [Болдырев 1812], Г.П. Павского [Павский 1850], А. Мазона [Mazon 1914] – теория о «безвременности» русского глагола сменила господствовавшие до середины XIX века представления о сложной системе глагольных времен в русском языке, опиравшиеся на описания первых русских грамматик XVIII века, составленных в соответствии с западноевропейской (прежде всего латинской) грамматической традицией (ср. десять времен в грамматике М.В. Ломоносова [Ломоносов 1755], восемь – у А.Х. Востокова [Востоков 1831]). В 30-е годы прошлого века последователей лингвистических взглядов К.С. Аксакова и Н.П. Некрасова обвинили в «субъективистском» подходе к понятию категории времени и в «психологизме», теория была признана «идеалистической». Грамматические описания современного русского языка вернулись к «реалистической» системе трех времен (ср. [Ludolf 1696; Адодуров 1731]).

Данный подход представлен и по сей день во всех русских грамматиках. При описании категории прошедшего времени в них указывается на остатки в современном русском языке «древней системы прошедших времен» (которая описывается в традиционных исторических грамматиках русского языка, ср. [Борковский, Кузнецов 1965]), и делаются попытки с учетом значения вида выявить у форм на -л – «формальных реликтов старого перфекта» – «унаследованные» ими значения аориста, перфекта [Русская грамматика 1980] и имперфекта [Виноградов 1972].

Такое противоречивое понимание категории времени у русского глагола в плане синхронного описания современного состояния языка в истории грамматической мысли лишний раз заставляет задуматься над ответом на вопрос, который принято рассматривать в области диахронного описания: почему русский язык (и другие восточнославянские языки) утратил сложную систему прошедших времен? Можно задать этот вопрос иначе: в какой степени сложная система прошедших времен была свойственна русскому языку (и другим восточнославянским языкам) для отражения протекания действия во времени?

3. НЕПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ СЛОЖНОЙ СИСТЕМЫ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН В ЯЗЫКЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН. ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАКТОВ

Чтобы проследить историю развития того или иного языкового явления, ученые вынуждены обращаться к письменным памятникам данного языка. Полученные путем их анализа результаты сравниваются с положением дел в современном языке, прежде всего в его ненормированных, устных, живых формах существования, преимущественно диалектах. Определенное несоответствие – письменных и устных – источников сравнения является таким образом неременным условием любого исторического исследования. Для истории русского языка (и других восточнославянских) этот момент несоответствия, если не подойти к нему с должной степенью осторожности, может привести к серьезным искажениям результатов исследования.

3.1. Появление восточнославянской письменности связано, как известно, с принятием христианства Киевской Русью в 988 году. Письменная фиксация общевосточнославянского становится возможной благодаря импорту из Болгарии церковнославянского (т.е. старославянского, см. 1.1) культового языка и через него – кириллического письма. Благодаря близкородственности славянских языков южнославянский по происхождению сакральный язык стал не только понятным восточным славянам, но явился неотъ-

емлемой и определяющей частью их письменного языка. Язык культа приобретает статус языка культуры со свойственными ему атрибутами престижности и кодифицированности (ср. [Успенский 1987]), оставляя за восточнославянским – языком устного общения – область письменной фиксации в сфере деловой и приватной коммуникации. Стабильное сосуществование двух языков как двух «неравных» вариантов письменного языка (см. [Mengel 1998], ср. [Виноградов 1982; Винокур 1959; Соболевский 1980; Живов 1998]) продолжается в истории русского языка семь столетий (XI–XVII вв.) и, как минимум, четыре столетия (XI–XIV вв.) в истории украинского и белорусского языков. Кодифицированный, престижный церковнославянский благодаря культурно-языковой политике и пуристским усилиям книжников сохраняет в чистоте свою генетически южнославянскую языковую систему и сознательно охраняется в этом плане от восточнославянского влияния. Для деловой и приватной письменности не существует подобных ограничений. Напротив, введение церковнославянских (генетически чуждых) языковых элементов могло использоваться для придания тексту особой важности и престижности. В истории русского письменного языка языковая ситуация кардинально изменяется лишь к середине XVIII века, когда в ходе петровских реформ создается русский литературный язык нового типа, нормы которого основываются на противопоставлении церковнославянских и русских языковых элементов, воспринимаемых уже не генетически, а функционально (см. [Живов 1996; Менгель 2002]).

3.2. Что касается предмета нашего исследования, то в письменном языке Киевской и Московской Руси безусловно представлена сложная система прошедших времен, характерная для церковнославянских текстов. В так называемых «русских» текстах деловой письменности и частной переписки употребление разнообразных форм претерита может быть интерпретировано, как представляется, двояко: не только как их наличие в русском (восточнославянском) языке, но и как стремление автора текста подчеркнуть значительность соответствующего документа путем ввода маркеров престижного языка культуры, т.е. церковнославянского (ср. [Живов 1996; Gutschmidt 1997; Mengel 2004]). При создании русского литературного языка нового типа в первой трети XVIII века формы простых претеритов, аориста и имперфекта, считаются особенно маркированными функциональными элементами церковнославянского языка. Они последовательно изгоняются из соответствующих текстов и заменяются формами на -лѣ (ср. [Успенский 1987; Живов 1996; Круглов 2004]). Данный факт свидетельствует также о том, что к этому времени языковой системе русского языка была чужда сложная система прошедших времен; претеритальное значение маркировалось единственно причастием на -лѣ.

В исторических грамматиках русского языка (см. [Борковский, Кузнецов 1965; Eckert et al. 1983]) традиционно считается, что простые претериты исчезают из устного употребления к XIV–XVI векам (ср. иное мнение в [Issatschenko 1983]). Данный вывод основывается на том, что в грамотах этого периода, т.е. документах деловой и приватной корреспонденции, отражающих живой язык восточных славян, полностью отсутствуют формы имперфекта, а формы аориста встречаются «весьма редко» [Будде 1892]. Обследовав 219 грамот с широким спектром территориальной (Новгород, Двина, Москва, Псков, Ярославль, Нижний Новгород, Рязань, Смоленск, Полоцк и др.) и временной (XI–XVII вв.) принадлежности, В.И. Борковский установил, что из 1156 форм употребления претерита аорист составляет около 13%, остаток представляют собой формы на -лѣ при полном отсутствии форм имперфекта [Борковский 1949: 157]. Новейшие филологические изыскания последних десятилетий прошлого века и начала века нынешнего сделали достижением научной общественности широкий круг вновь открытых памятников раннего периода восточнославянской письменности XI–XIII веков.

Анализ документов, отражающих живой язык восточных славян, относительно употребления в них форм претерита дал аналогичные полученным по памятникам XIV–XVI веков результаты: в них наблюдается полное отсутствие форм имперфекта, очень незначительное количество форм аориста и абсолютное преобладание форм на -лѣ (ср.

[Ремнева 2003]). Опираясь на результаты новейших исследований, которые разрушают традиционные представления о ходе развития системы прошедших времен у восточных славян, попытаемся проанализировать употребление различных форм претеритов в «русских» текстах с указанной выше функциональной точки зрения и выявить особенности семантики форм на -лъ.

3.2.1. Детальные наблюдения над употреблением весьма небольшого количества форм аориста в грамотах показывают, что формы аориста встречаются в наиболее важных по содержанию отрезках текста. Значительность содержания связывалась в языковом сознании восточных славян, как показано выше (см. 3.1), с использованием церковнославянского языка культуры, с его атрибутами престижности и кодифицированности. Отсюда вывод, что формы аориста в грамотах следует скорее всего рассматривать как маркеры, элементы, церковнославянского языка, и менее как свидетельство их наличия в языковой системе восточных славян, их устном живом языке. Тексты летописей предоставляют, как нам кажется, весьма важное доказательство от противного в пользу этого вывода.

Обследование форм прошедшего времени в тексте I-й Новгородской летописи по данным А.И. Ефимова показало, что аористы составляют 89,5%, имперфекты – 4,8% и формы на -лъ – 5,7% [Ефимов 1937: 86]. В филологическом научном знании XIX – второй трети XX веков господствовало мнение, что язык летописей представляет собой преимущественно живой язык восточных славян. Значительное количество форм аориста, таким образом, должно было свидетельствовать о наличии данных претеритальных форм в системе русского (восточнославянского) глагола. Современной исторической наукой о языке установлено и убедительно доказано, что тексты летописей – в престижности и важности которых сомневаться не приходится – относятся к языку культуры («литературному языку» по [Успенский 1987]) и соответственно отражают грамматические нормы церковнославянского языка (ср. [Ремнева 1995]). Употребление в летописных текстах большого числа форм аориста обусловлено в этом плане его семантикой в системе прошедших времен церковнославянского языка: аорист выступает в качестве основного повествовательного времени, описывающего действия, последовательно сменяющие друг друга в прошлом. Особой семантикой времени церковнославянского глагола объясняется, как представляется, и весьма незначительное в языке летописей количество форм имперфекта, который отражает неограниченное и незаконченное действие в прошлом (см. 1.1).

Употребление в летописях немногочисленных форм на -лъ зафиксировано преимущественно в диалогах и прямой речи. Е.С. Истрина объясняет этот факт отсутствием у говорящего «объективного отношения» (которое обеспечило бы употребление аориста) к событиям прошлого и наличием у него (говорящего) «субъективного ощущения» настоящего, что обуславливает использование перфекта – так она интерпретирует формы на -лъ [Истрина 1919: 114]. Анализируя язык Владимира Мономаха в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку 1377 года, С.П. Обнорский делает замечательное наблюдение [Обнорский 1946: 48]: при широком употреблении аориста в летописной речи князя в описаниях сцен охоты однозначно преобладают формы на -лъ, употребляемые без вспомогательного глагола *быти* (см. также [Якубинский 1953: 136], ср. [Issatschenko 1983: 362]), ср.:

(1) *Шлень ма шдинъ болъ, а. ѿ. лоси шдинъ ногами топталъ. а дрѹгыи рогома болъ. вебрь ми на ведрѣ мечъ Шалъ. медвѣдь ми оу колѣна подъклада оукѹсилъ. лютын звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже* (Лаврентьевская летопись, л. 82–83, цит. по [Борковский 1978: 54]).

Современные исследования показали, что, несмотря на характерную для летописных текстов церковнославянскую грамматическую норму, в целом они включают в себя и т. наз. «тематические единства» [Hüttl-Folter 1983], в которых при описании аутентич-

ных ситуаций используется живой язык восточных славян. Такие ситуации представлены в диалогах, прямой речи, описаниях сцен охоты *etc.*, т.е. в тех отрезках текста, о которых были сделаны выше названные наблюдения ученых. Если употребление форм на -лъ в диалогах и прямой речи еще можно было бы идентифицировать как семантически адекватное употребление форм перфекта, то их использование в повествовательных контекстах (в сценах охоты и т.п.) – при этом без вспомогательного глагола – не поддается в этом плане какому-либо смысловому обоснованию. Такое положение вещей указывает на то, что в живом языке восточных славян прошедшее время обозначалось исключительно причастием на -лъ, а сложная система прошедших времен отсутствовала.

3.2.2. Мысль о том, что русский глагол в своей истории не знал форм имперфекта, высказал еще Е.Ф. Будде [Будде 1892: 2]. По мнению Г.А. Хабургаева [Хабургаев 1988], имперфект представлял собой в праславянском языке не общеславянское, а диалектное явление и не был характерен для восточнославянских диалектов. В результате своих обширных исследований М.Л. Ремнева [Ремнева 2003] приходит к выводу, что для истории русского глагола формы аориста, перфекта и плюсквамперфекта также были не характерны. Действие (или состояние) в прошлом могло обозначаться исключительно причастием на -лъ [Ремнева 2003: 38 и сл.]. Если Е.С. Истрина [Истрина 1919], исходя из научного знания начала прошлого века, пыталась доказать, что скопления форм на -лъ в определенных отрезках текста летописей XIII–XIV веков можно объяснить, опираясь на значение перфекта (см. 3.2.1), то М.Л. Ремнева предоставляет убедительные доказательства тому, что в памятниках деловой письменности и грамотах частного содержания формы на -лъ уже в XI–XIII веках способны обозначать «отдельные действия в ряду динамически сменяющихся действий в прошлом», т.е. выступать на месте и в значении аориста [Ремнева 2003: 75], ср.:

(2) и ты имъ выдалъ разбойника потом шол еси оу разбойниковъ клетъ товар еси разбойниковъ взалъ и иныхъ люди товар былъ тѣ и то помалъ еси княжо [Ремнева 2003: 75].

В соответствующих тематических единствах летописных текстов (ср. 3.2.1), а также в приписках к созданным или переписанным на Руси религиозным произведениям аористы и формы на -лъ без вспомогательного глагола *быти* могут использоваться как равноправные предикаты (ср. [Issatschenko 1983: 362 и сл.]), ср.:

(3) Тогда и московская застава ратная сила отъѣхаша на Москву, а стоиши в Новгороде 17 недель (л. 219 об.); И тако посадники възвратишася с великою радостию и повѣдаша посольство на само Филипово заговѣние. А князь ярославъ тогда остался на Москве и тамо оженися (л. 223 об.) (II-я Псковская летопись, XV в., цит. по [Борковский 1978: 53]). Ср. также пример (1): <...> скочишъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже.

(4) В лѣт(о) 6864 написаны быша книги снѣ повелениемъ архіеп(и)с(ко)па новгородскаго Моисѣя, а писали Левиндъ, Носифъ вл(а)д(ы)чии ровата. <...> (Выходная запись № 41 к кодексу 1356 г., цит. по [Столярова 1998: 343]). Ср.: В лѣт(о) 6778 кончаны быша книги снѣ <...>. Писахъ же книги снѣ азъ, Гюрги, с(ы)нъ поповъ <...> (Выходная летописная запись № 18 к Евангелию 1270 г., цит. по [Столярова 1998: 305]).

Исследуя употребление форм на -лъ в текстах, отражающих живой язык восточных славян, М.Л. Ремнева делает еще два важных, на наш взгляд, наблюдения: 1) при формах на -лъ глагол *быти* встречается только в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа настоящего времени, значение 3-го лица обоих чисел маркируется всегда причастием на -лъ без вспомогательного глагола [Ремнева 2003: 77 и сл.]; 2) формы вспомогательного глагола *быти* при причастиях на -лъ не являются составной частью форм перфекта, а используются для выражения грамматического значения лица (см. [Ремнева 2003: 74 и сл.], ср. [Буслаев 1858: 363; Issatschenko 1983: 372]). Последний вывод М.Л. Ремнева обосновывает прежде всего поведением причастий на -лъ в синтаксиче-

ских конструкциях с отрицанием, где они составляют предикативный центр предложения, на что указывает положение отрицательной частицы перед причастием на -лѣ, а не перед формой глагола **быти**, ср.: **А ты атче еси не възалъ коунѣ техъ, а не еми ничѣто же оу него** (Берестяная грамота № 109, XI–XII вв., [Ремнева 2003: 75]). Подобное явление мы находим в современном чешском [Вауертöppel et al. 1980] и словацком [Мистрик 1985] языках. В серболужицком [Faßke 1981] и южнославянских, располагающих сложной системой прошедших времен с аналитическими формами перфекта (см. 1.2), отрицательная частица занимает место перед вспомогательным глаголом (ср. [Ремнева 2003: 74 и сл.]). По нашему мнению, последний вывод М.Л. Ремневой подтверждается еще и тем фактом, что вспомогательный глагол при формах на -лѣ употребляется превентивно в предложениях с материально не выраженным грамматическим субъектом, ср. пример (2): **ты выдалъ, товар былъ, но шол еси, еси възалъ, понималъ еси**. Подобные «бессубъектные» конструкции со спрягаемой формой глагола широко известны славянским языкам.

Наблюдения М.Л. Ремневой требуют некоторого уточнения. Анализ употребления причастий на -лѣ в сочетании с формами глагола **быти** с функциональной точки зрения показал, что в зачинах, концовках и особенно важных по содержанию отрезках нарративной части грамот данные конструкции могут выступать как формы перфекта, маркеры церковнославянского языка аналогично выше описанному употреблению форм аориста. В этом случае соответствующие аналитические конструкции используются при наличии материально выраженного субъекта. Бессубъектные конструкции с формой на -лѣ и вспомогательным глаголом, выступающим в функции грамматического значения лица, используются исключительно в нарративной части грамот с «неосновным» содержанием, т.е. в тех ее частях, которые написаны по-русски.

Примером, подтверждающим наши выводы, может служить анализ широко известной первой имеющей датировку грамоты восточных славян – «Грамоты великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю» 1130 года (см. иную датировку 1128 годом в [Рождественская 1994]). В первой строке грамоты – формализованном (нормативном) традиционном зачине – употреблен церковнославянский перфект, грамматический субъект материально выражен личным местоимением и существительным: **Се азъ мѣстиславъ володимиръ снъ <...> повелѣлъ есмь <...>**. В строке 13 нарративной части документа находим причастие на -лѣ без вспомогательного глагола в сочетании с личным местоимением в роли грамматического субъекта: **<...> а азъ далъ рѣкою своею <...>**. Строки 15–16 нарративной части содержат особо важную информацию, в которой объявляется о дарственных намерениях Всеволода. Здесь вновь употребляется церковнославянский перфект (при наличии материально выраженного субъекта): **а се азъ всеволодъ далъ есмь блюдо серебряно <...>**. В следующей же, 17-й, строке нарративной части с тривиальным содержанием используется причастие на -лѣ в сочетании с формой глагола **быти**, передающей грамматическое значение 1-го лица материально невыраженного субъекта: **<...> велѣлъ есмь бити въ не на шѣдѣ <...>**. Концовка документа (последние четыре строки) не содержит форм прошедшего времени (цит. по [Иванов и др. 1990: 39]).

Тот факт, что формы на -лѣ с грамматическим значением 3-го лица (единственного и множественного числа) в текстах восточнославянской деловой письменности последовательно употребляются без глагола **быти**, может иметь следующее объяснение. Содержанием «престижных» частей грамот – их формализованных зачинов, концовок и соответствующих отрезков в нарративной части – являются формулы договоренности двух сторон. Называние третьей стороны, а следовательно, и ее действий в прошлом, для них не важно, что препятствует проникновению «престижных» форм церковнославянского перфекта 3-го лица в данные документы. С другой стороны, это же обстоятельство служит достоверным косвенным доказательством того, что прошедшее время в живом языке восточных славян выражалось единственно причастием на -лѣ. Высокочастотное употребление данного причастия прошедшего времени с грамматическим значением 3-го лица (единственного и множественного числа) не сопровождается вспо-

могательным глаголом даже в бессубъектных конструкциях. Формы глагола **быти** используются только для маркировки грамматических значений 1-го и 2-го лица (и только при отсутствии грамматического субъекта), которые отличаются меньшей частотностью употребления. Аналогичную картину мы находим в современных славянских языках – чешском, словацком и польском.

3.3. Анализ языка памятников восточнославянской письменности приводит нас к заключению о том, что на их материале невозможно доказать наличие сложной общеславянской системы прошедших времен в живом языке восточных славян. Напротив, результаты исследования и интерпретация общеизвестных языковых фактов в свете новых достижений научной филологической мысли позволяют утверждать, что в письменных источниках, отражающих живой язык восточных славян – деловых и частных документах, соответствующих отрезках текста летописей и др., сложная система прошедших времен как таковая не представлена. Формы имперфекта и плюсквамперфекта (вспомогательный глагол употребляется при причастии на **-лъ** только в настоящем времени) практически не зафиксированы. Немногочисленные формы аориста и перфекта используются функционально в качестве церковнославянских маркеров престижности. Семантика форм на **-лъ** не ограничена перфектным значением актуальности прошедшего действия для настоящего: формы на **-лъ** могут обозначать любые действия в прошлом, в том числе и динамически сменяющие друг друга. Совокупность выше названных фактов позволяет с большой степенью вероятности предполагать, что языку восточных славян не была свойственна сложная глагольная система прошедших времен, и отражение протекания действия в прошлом маркировалось единственно причастием на **-лъ**.

Мысль о том, что разнообразные формы претеритов в памятниках письменности восточных славян не отражают состояние живого языка, высказывал А. Исаченко. Он относил «эпоху утраты» сложной системы прошедших времен восточнославянскими диалектами в «доисторическое, точно не определяемое время до 1100 года» [Issatschenko 1983: 354 и сл.], не предъявляя, однако, никаких доказательств в пользу процесса самой этой «утраты».

4. СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ НЮАНСОВ ПРОТЕКАНИЯ ДЕЙСТВИЯ В ПРОШЛОМ В ЯЗЫКЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Выдвинутое выше предположение о том, что для маркировки значения прошедшего действия в языке восточных славян изначально использовалось единственно причастие на **-лъ** (как это практически представлено и по сей день), подкреплено некоторыми фактами и процессами в современном языке, прежде всего в его ненормированных, устных, живых формах существования, преимущественно диалектах. Одним из важнейших доказательств в этом плане может служить отсутствие в современном языке формальных следов сложной системы прошедших времен. Принимая выдвинутое предположение, предстоит выяснить вопрос, каким образом в таком случае выражаются различные нюансы протекания действия в прошлом. С учетом ограниченных рамок статьи в качестве предмета исследования обратимся прежде всего к данным русского языка, привлекая материал украинского и белорусского.

Все попытки ученых представить доказательства в пользу наличия в формах прошедшего времени современного русского языка значений древних форм прошедших времен – имперфекта, аориста и перфекта – заканчиваются выводом, что такие значения можно установить **только** при наличии определенных семантико-синтаксических или синтактико-фразеологических условий и с учетом видовых значений конкретных форм на **-лъ** ([Виноградов 1972: 439 и сл.], ср. [Потебня 1958; Шахматов 2001] и др.). Существование в современном русском языке формальных следов старой системы прошедших времен, реликтом перфектных форм которой якобы являются причастия на **-лъ**, представляется нам также принципиально не доказуемым.

4.1. В своей книге «Русский язык (грамматическое учение о слове)», описывая нюансы значений форм прошедшего времени на -лъ в современном русском языке, В.В. Виноградов [Виноградов 1972] приводит в сноске следующее высказывание К. Житомирского: «Мы не можем **теперь** (выделено нами. – С.М.) отличить "он ушел" в смысле *il s'en allé, er ging fort* от "его здесь нет" (*il s'en est allé, er ist fort*) и в смысле "его здесь не было" (*il s'en était allé, er war fort*). Однако потребность в этих формах чувствуется в русском языке. Народ (а не писатели) уже и выработал необходимые формы. "Он ушел" у него уже значит только *il s'en allé* (аорист), а для результативного вида он имеет уже формы, еще не признанные литературой: "он ушедши" (*il s'en est allé*), "он был ушедши" (*il s'en était allé*). Эти формы, без сомнения, не замедлят перейти в литературный язык, как видно из уже терпимых форм: *он был выпивши, он был уставши* и немногих других» (Молох XX века. 1915 г., цит. по [Виноградов 1972: 447]).

Высказанная ученым в начале XX века мысль представляется нам показательной в плане истории изучения категории времени русского глагола в синхронном и историческом языкознании. Насколько верно сделанное исследователем наблюдение над семантикой употребления несогласуемого причастия прошедшего времени в нелитературных формах существования современного русского языка, настолько неверна диахроническая интерпретация данного языкового явления, приведшая к необоснованности прогноза о «незамедлительном переходе» народных форм в литературный язык.

Исходя из теоретических предпосылок об утрате русским языком сложной системы прошедших времен, К. Житомирский считает использование несогласуемых причастий (деепричастий) прошедшего времени совершенного вида для выражения значения законченного действия в прошлом новыми языковыми средствами в русском языке для обозначения перфектного значения. В действительности такие конструкции широко представлены уже в памятниках письменности, отражающих живой язык восточных славян, ср.: *а рѣка Десна потекла на полдни ко градѣ къ Рославлю, и не дошедъ 20 верстъ до Рослава <...> поворотила на востокъ* («Книга, глаголемая Большой чертеж» 1627 г., цит. по [Буслаев 1959: 366]). Они по сей день весьма продуктивны в русском просторечии и в современных русских диалектах, ср.: *она поевши, она была поевши, она будет поевши; пока вы до Москвы доедете, я уж буду помериши* [Пожарицкая 1997: 111]. Тот факт, что подобные конструкции до сих пор не проникли в литературный язык, свидетельствует об их бытовании в сугубо живых формах существования языка: пуристские нормы русского литературного языка, как известно, традиционно отталкиваются от форм живого употребления.

Использование несогласуемого причастия прошедшего времени совершенного вида для выражения «перфектного» значения (ср. [Соболевский 1939: 199 и сл.]) в памятниках письменности, отражающих живой язык восточных славян, и в современных устных некодифицированных формах существования языка является только одним из свидетельств того, что живой язык восточных славян не располагал, по всей вероятности, специализированными формами общеславянского перфекта (и плюсквамперфекта). Современный русский язык (как все восточнославянские в их истории) использует также целый ряд других языковых средств для выражения значения результативности прошедшего действия в ее актуальности для настоящего (или будущего), ср.:

(5) *Стол накрыт, письмо отослано* – страдательное причастие прошедшего времени совершенного вида (ср. [Шахматов 2001]); *Пообедав, Левин сел с книгой в кресло* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина) – деепричастие совершенного вида; *Одеколоны, спирты, у самой истерики, глазки опухли* (или *опухшие*. – С.М.), *носик покраснел* (или *покрасневший*. – С.М.) (А.Н. Островский. Красавец-мужчина) – действительное причастие прошедшего времени совершенного вида = глагол прошедшего времени совершенного вида (ср. [Виноградов 1972: 445 и сл.]); *Пролегла-лежит дороженька* (народная песня) – предикат в форме «двойного глагола» совершенного вида прошедшего времени и несовершенного вида настоящего времени; *Моя хозяйка была пригожа и добра, а муж-то помер* (А.С. Пушкин. Гусар) – глагол совершенного вида прошедшего времени не имеет здесь фактического значения, он обозначает состояние, актуальное для настоящего (ср. [Соболевский 1939: 210]).

Важным доказательством в пользу остатков плюсквамперфекта в современном русском языке традиционно считаются формы типа сказочно-фольклорного – т.е. бытующего в устном живом употреблении – зачина *жили-были*. В современных грамматиках украинского и белорусского языков такие формы описываются как аналитический перфект, обозначающий «давно прошедшее время». В русском языке они встречаются преимущественно в севернорусских диалектах, ср.:

(6) а) укр.: *сказав був, відповіла була* (цит. по [Пономарів 1997: 184]); б) белорус.: *Госць зноў надзеў паліто, якое быў скінуў* (цит. по [Янкоўскі 1983: 197]); в) с.-русс. диалекты: *была сгорела, были остались* (цит. по [Пожарицкая 1997: 107]).

При ближайшем рассмотрении семантики данных форм оказывается, что значение результативного действия в прошлом, предшествующего следующему прошедшему действию, (т.е. плюсквамперфектное) выражается с их помощью чрезвычайно редко, а именно в согласуемых формах (глагола *быть* и основного глагола), кодифицированных в грамматиках современного украинского и белорусского языков (ср. пример 6б; об особенностях кодификации в современных грамматиках украинского и белорусского языков см. [Mengel, Neyl 1995]). Однозначно доминирует значение так называемого «абсолютного плюсквамперфекта» [Пожарицкая 1997: 108], где несогласуемая форма *было* маркирует значение давно прошедшего действия без отношения его результативности к действию последующему или актуальному, ср.:

(7) русск. диалекты: *я сама лопату делала, нету было; было дают* пять килограмм на отёл; а хлеба-то где *было возьмешь* (цит. по [Пожарицкая 1997: 107]); укр.: *Коли його вусока постать появлялась було у дверях, Марія здригалась* (цит. по [Пономарів 1997: 184]); белорус.: *Разгневаўся было Лявон, стаў прасіць <...>* (цит. по [Янкоўскі 1983: 199]).

М.В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» 1755 года среди десяти времен глагола выделяет пять прошедших (представленных исключительно формами на -лѣ), из которых три обозначают давно прошедшее действие: 1) «*глатывалѣ, брасывалѣ*»; 2) «*бывало глоталѣ, бросалѣ*»; 3) «*бывало глатывалѣ, брасывалѣ*» [Ломоносов 1755: 106]. В «Русской грамматике» 1980 года формы на -ывал определяются как «формы прошедшего времени глаголов многократного способа действия» [Русская грамматика 1980: 600, 634] с указанием на особенности их употребления лишь в прошедшем времени для выражения «повторяемости, обычности действия в прошедшем, отдаленном от настоящего». Дополнительно констатируется их «малоупотребительность» в современном языке и их использование в художественной литературе «для стилизации народной речи» [Русская грамматика 1980: 634]. Языковеды XIX – начала XX века уделяли внимание этим формам, продуктивным в то время в русской разговорной речи. А.М. Пешковский отмечал, что в них категории вида и времени сплетаются оригинальнейшим образом, что дает основание идентифицировать формы на -ывал как «особый плюсквамперфект», выступающий лишь в комбинации с итеративным способом глагольного действия [Пешковский 2001: 211]. Мнения ученых (в рамках статьи мы позволим себе не останавливаться на различных нюансах модальных значений данных форм) единогласно сходятся в том, что формы на -ывал выражают общее значение давно прошедшего действия безотносительно к другим действиям в прошлом или настоящем (ср. [Востоков 1831; Буслаев 1959; Размусен 1891; Виноградов 1972]), ср.:

(8) Не забудьте навести справочку, где теперь актер Суздальцев? Жив ли, здоров ли? Вместе *пивали* когда-то (А.П. Чехов. Чайка); Братья Пушкины, случалось, *гащивали* у генерала-цехмейстера (Ю. Тынянов. Пушкин); Ведь я знаю, как ты *живал*, как проводил ночи и с кем (Л.Н. Толстой. Крейцера соната).

Эта функция итеративных претеритов в русском языке аналогична, по нашему убеждению, употреблению глагола *быть* в так называемых «плюсквамперфектных» восточно-

славянских конструкциях, описанных выше. Так же, как и глагол *быть* (особенно несогласуемое *было*), формы прошедшего времени многократного способа действия (ср. *бывало* как составляющая часть 2-го и 3-го давно прошедших времен в грамматике М.В. Ломоносова, см. выше) маркируют действие, произошедшее в далеком прошлом. При этом маркировка осуществляется в первую очередь не на уровне восприятия протекания действия во времени, т.е. соотношения следования одного действия за другим, а путем объективного описания того, каким образом (способом) действие совершалось. Если форма *было* указывает на единичный факт давно прошедшего действия, то итеративные претериты (в том числе и *бывало*) свидетельствуют о его повторяемости, «обычности» в далеком прошлом. Эту нашу мысль подтверждает, как думается, и тот факт, что в русском языке (и других восточнославянских) значение многократности действия может быть выражено только в прошлом (кратность действия означает его перманентное «окончание», т.е. объективное отнесение к прошлому), тогда как в других славянских, например, словацком [Мистрик 1985: 78], этот способ глагольного действия грамматически представлен во всех временах.

Итак, рассмотрение в качестве «следов старого плюсквамперфекта» образований типа *жили-были* в восточнославянских языках не может быть признано верным (ср. [Isatschenko 1983: 377]). В исследованиях по общему языкознанию их типологически связывают с финно-угорскими «копулятивными» конструкциями [Ткаченко 1979; Вайс 1993]. Думается, что в целом это утверждение следует признать верным. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что образования типа *было/был(-а, -и)* + форма на *-л* отражают в русском языке финно-угорский субстрат. Для обозначения давно прошедшего времени такие конструкции, как *было* показано выше, используются во всех восточнославянских языках. Скорее благодаря наличию и продуктивности субстратных копулятивных конструкций в русском языке (ср.: *жить-поживать, жду-поджидаю, дочери-матери* и др.) формы *было* + причастие на *-л* отличаются частотностью употребления особенно в севернорусских диалектах. По той же причине, как кажется, одним из способов обозначения результативности действия в прошлом в его актуальности для настоящего (т. наз. «перфектных значений») могут служить двойные глаголы типа *пролегла-лежит* (ср. пример 5). Выражение результативных и других значений протекания действия в восточнославянских языках, как представляется, связано не с грамматической категорией времени, а с описанием способа протекания действия во времени.

4.2. В этой связи следует вспомнить не бесспорное высказывание Н.П. Некрасова о способности любой морфологической формы глагола выражать в русском языке любые временные значения (см. 2). Транспозиционное употребление форм инфинитива, повелительного наклонения и междометий в предикативной функции на месте спрягаемых форм глагола представляет собой языковой феномен, характерный для восточнославянских языков и неизвестный, как кажется, другим славянским, ср.:

(9) русск.: Медведь с волком обрадовались добыче и ну *рвать* бычка (А. Афанасьев. Русские народные сказки); И царица *хохотать* (А.С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях); Пришел мужик за козой, ее на бойню вести, а она *бежать* (русские диалекты, из разговора); укр.: Я розказав їй про свої проблеми, а вона *реготати* (из разговора); белорус.: Засердаў Дубавец на суседа. Той *угаварываць*: кінь ваўкам пазіраць (Л. Калодзежны. Сляды на снэзе).

(10) русск.: Я пришел к нему записаться на курс, а он вдруг *возьми* да и *пригласи* меня к себе на вечер (И.С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда); Раз он ему и *скажи*: Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась эта лошадь (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени); Я шутить, ведь, не умею, И *вскочи* ему на шею (П.П. Ершов. Конек-горбунок); А тут к беде еще беда: *случись* тогда несчастье (И. Крылов. Охотник); укр.: Я прийшов до нього на семінар, а він *візьми* та й *запроси* мене в гості (из разговора); белорус.: Хлапчук *вазьмі* ды *папытай*: чаму людзі не лятаюць? (Л. Калодзежны. Смак крынічнай вады).

(11) Пришла девочка, *глядь* – братца нету! (А. Афанасьев. Русские народные сказки); Прямо яблочко летит. Пес как прыгнет, завизжит... Но царевна в обе руки *Хватъ* – поймала

(А.С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях); Татьяна *прыг* в другие сени (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); укр.: А вона *стриб* в сторону (из разговора); белорус.: Лаба-новіч *скок* на ганак (Я. Колас. На ростанях).

А.А. Шахматов высказывал в свое время очень осторожное предположение о том, что в случае транспозиционного предикативного употребления форм императива и междометий в значении глаголов прошедшего времени возможна генетическая или аналогическая связь данных форм со старым корневым и сигматическим аористом [Шахматов 2001: 166]. Некоторыми современными исследователями делается неубедительная попытка объяснить любое траспозиционное употребление форм инфинитива, императива и междометий в русском языке (в том числе в придаточных цели и условия) остатками аориста, почти «презентное» значение которого предполагается и в современном языке, а переосмысление форм из «аористных» в инфинитивы, императивы и междометия (благодаря сходности звучания) относится к XVIII веку (ср. [Daiber 2004]).

4.2.1. В одном из писем середины XIX века И.В. Киреевский делится с К.С. Аксаковым своим следующим наблюдением: «Русский глагол имеет еще особенную форму для выражения той быстроты, с которой действие переходит в прошедшее. Разумеется эта форма возможна только для тех глаголов, которых личный смысл вмещает возможность этой мгновенной быстроты. Этого времени, уже не однократного только, но мгновенно прошедшего, нет в других языках, и, следовательно, нет в иностранных грамматиках <...>. Этой формы не было прежде и в наших грамматиках (и не могло быть, потому что искали только форм *общих для всех глаголов*), и потому литературный язык ее избегает. Оттого она не развилась <...> и носит на себе какой-то оттенок неблагородного как свойственная больше народу, чем людям образованным. К этой форме мгновенно прошедшего относятся слова *глядь, хватъ, прыг, щелк, стук, бряк, звяк, бух, шлёп, скок, миг, шмыг, бац, кех, плюх, лух* и пр. <...>» [Киреевский 1861: 106 и сл.]. Данное высказывание влечет за собой, по нашему убеждению, следующие далеко идущие выводы: 1) Феномен транспозиционного употребления междометий представляет собой явление народного языка, т.е. живого некодифицированного собственно русского (восточнославянского) языка, употребляемого преимущественно в устной коммуникации. 2) Он не охватывает грамматическую категорию глагола в целом, а связан с лексической семантикой ее конкретных единиц (т.е. конкретных глаголов). 3) Транспозиционное употребление междометий в форме «мгновенно прошедшего» используется практически не для выражения значения прошедшего времени, а для описания моментального («не однократного только, но мгновенного») способа протекания действия, который предопределяет законченность действия и, таким образом, его отнесенность к прошлому.

А.М. Пешковский усматривал в данных формах «ультрамгновенный вид русского глагола» и считал, что к глаголам на *-нуть* «с мгновенным значением» они относятся, как «превосходная степень прилагательного к сравнительной» [Пешковский 2001: 200]. В.В. Виноградов рассматривает транспозиционное употребление междометий и императивов в качестве «прошедшего времени мгновенно-произвольного действия» [Виноградов 1972: 434] и трактует транспозиционный императив частично в рамках эмбриональной формы «особого, волюнтаристического наклонения» [Виноградов 1972: 472 и сл.]. Модальное, экспрессивное значение он видит и в употреблении инфинитива для «переносного замещения личных форм глагола», особенно при использовании инфинитивов несовершенного вида «в значении прошедшего времени с интенсивно-начинательным оттенком» ([Виноградов 1972: 475 и сл.], ср. пример 9).

Как было показано выше (см. 1.1), оппозиция дуративного и пунктивного способов глагольного действия была представлена в праславянском языке индоевропейскими корневыми оппозициями, ср. ст.-слав.: (вѣз)имати/(вѣз)ѣти, гладати/гладѣти, хватати/хватити, прыгати/прыгнѣти и др. В формах древнего корневого аориста (означающего моментальное действие в прошлом) глаголы пунктивного способа действия значе-

ние мгновенности выражали с особой силой (пользуясь выше приведенным сравнением А.М. Пешковского, суперлативно). Однако тот же эффект «ультрамгновенности» действия достигался и в формах повелительного наклонения данных глаголов: «<...> этот эффект вытекает из предположения, что за повелением немедленно следует исполнение», – замечает в этой связи А.А. Потебня ([Потебня 1958: 148], ср. [Буслаев 1959]).

В пользу того, что в истории русского языка (и других восточнославянских) для выражения «ультрамгновенности» действия использовались формы императива, а не аориста, говорят следующие факты.

Ядро рассматриваемого феномена представляют собой междометия, соотносимые с конкретными глаголами, лексическая семантика которых включает в себя значение мгновенности действия. Положение о том, что междометие как языковая категория возникло на основе форм императива, считается в сравнительно-историческом языкознании практически бесспорным (ср. [Brugmann, Delbrück 1967: 347]): превращению императивов в междометия способствует частотность употребления ряда глаголов определенной лексической семантики. Результаты именно этого процесса обнаруживаются, по нашему мнению, в восточнославянских языках. Высокая частотность употребления форм императива глаголов пунктивного (однократного, мгновенного) способа глагольного действия для выражения значения «ультрамгновенности» действия привела к возникновению на их основе соответствующих междометий, ср. примеры (10), (11): русск. *возьми*, укр. *візьми*, белорус. *вазьмі*; русск. *глядь*, *хвать*, *прыг*; укр. *стриб*; белорус. *скок* и др. (ср. также примеры в высказывании И.В. Киреевского). Процесс этот весьма продуктивен и в современных восточнославянских языках, особенно в их живых, некодифицированных формах существования, ср., в частности, в русских диалектах: *гляди* > *гляи*, *глай*, *гля*, *ляи*, *ля* и др. [Диалектные различия 1998: 152]. Для выражения пунктивности (мгновенности) действия могут использоваться формы повелительного наклонения всех глаголов, лексическая семантика которых отражает завершенность действия (т.е. в современных восточнославянских языках все глаголы совершенного вида). Не обладая, однако, в этой функции столь высокой частотностью употребления, как императивы глаголов пунктивного (однократного, мгновенного) способа действия, они не переходят в междометия, ср. пример (10).

О взаимосвязи семантики завершенности (мгновенности) действия с представлением об отнесенности действия в прошлое и одновременной недифференцированности данного представления путем специальных грамматических средств в глагольной системе времен – т.е. отсутствии форм аориста – свидетельствует, на наш взгляд, следующий факт. У глаголов совершенного вида наблюдается почти «зеркальное» транспозиционное употребление форм прошедшего времени в значении форм повелительного наклонения, ср.: русск. *Встали! Пошли! Поехали!* У глаголов несовершенного вида напротив в функции императива транспозиционно могут употребляться формы настоящего времени, указывающие как бы на необходимость протекания действия в настоящий момент, ср.: русск. *Идём! Уходим!*

Для полноты картины следует упомянуть о том, что формы корневого аориста, который обозначал пунктивное действие в прошлом, были непродуктивны в общеславянском языке уже в дописьменный период и представлены в старославянском языке лишь отдельными лексемами, ср.: *пожрѣтъ*, *выстъ* (см. 1.1). В звуковом отношении они не были близки формам восточнославянского императива и вряд ли могли быть переосмыслены как таковые. По своей звуковой оболочке формам повелительного наклонения были близки формы 2-го и 3-го лица единственного числа церковнославянского тематического аориста, ср.: *хвѣти*, *гладѣ* (см. 1.1). Российские азбуковники XVII века, кодифицирующие, как известно, нормы церковнославянского языка культуры (см. 3.1–3.2), предостерегают относительно смешения форм русского императива с формами церковнославянского аориста, отсутствующего в живом русском (восточнославянском) языке (ср. [Виноградов 1972: 436]). В церковнославянской системе прошедших времен тематический аорист маркирует начало или конец дуративного действия в прошлом (см. 1.1). В данном значении – «значении прошедшего времени с интенсивно-начина-

тельным оттенком», ср. выше [Виноградов 1972: 475] – в восточнославянских языках используются, однако, не императивы, а транспозиционные формы инфинитива глаголов несовершенного вида (ср. пример 9).

4.2.2. Формы повелительного наклонения глаголов дуративных способов глагольного действия (т.е. всех глаголов несовершенного вида в современных восточнославянских языках) неспособны в силу своей лексической семантики отражать мгновенность (законченность, целостность) действия. Для соответствующих потребностей наиболее подходящим языковым средством представляется форма инфинитива, называющая действие в целом. Ее употребление в императивном значении, в смысле «немедленного исполнения повеления» (см. выше [Потебня 1958: 148]), широко известно современным восточнославянским языкам, ср.: русск. *Молчать! Стоять!*; укр. *Працювати на злагоду!* Формой инфинитива передается значение волеизъявления в случае неперемени «необходимости совершения действия» [Ремнева 2003: 94]. По наблюдениям М.Л. Ремневой, в древнерусских грамотах в функции императива последовательно употребляется инфинитив, «если распоряжение имеет характер закона, общеобязательного правила» [Ремнева 2003: 94], ср.: *Аже бѣдѣте холѣпѣ ѹвѣтъ .ѧ. гривна сѣрьбра заплатити. <...> Аже извинитъ сѧ латининѣ оу смольнѣскѣ. не мѣтати его оу погрѣбѣ* (Смоленская грамота 1229 г., цит. по [Обнорский, Бархударов 1952: 45 и сл.]). Таким образом, транспозиционные формы инфинитива представляют собой более «сильный» императив. Наличие функциональных параллелей в употреблении форм императива и инфинитива для выражения волеизъявления, присутствие у форм инфинитива в значении императива усиленного компонента обязательности «немедленного исполнения повеления» и основная функция инфинитива называть действие в целом делают возможным и способствуют транспозиционному употреблению форм инфинитива глаголов дуративных способов действия (*resp.* несовершенного вида) для выражения значения квазипунктивного действия. Транспозиционные формы инфинитива дуративных глаголов употребляются параллельно транспозиционным формам императива глаголов с лексической семантикой законченности действия (*resp.* совершенного вида). Нюанс квазипунктивности проявляется в транспозиционных формах инфинитива дуративных глаголов в том, что они маркируют момент начала действия (ср. действие «с интенсивно-начинательным оттенком» по В.В. Виноградову).

4.2.3. Значение ультрамгновенности (квазипунктивности) протекания действия как в целом, так и в плане маркированности его начала, помимо транспозиционных форм, может быть выражено в восточнославянских языках целым рядом других грамматических и лексических языковых средств, ср.: русск. *и вдруг как вскочит, и вдруг вскочила* наряду с *вскочи* (пример 10); *как схватит, быстро схватила* наряду с *хватъ* (пример 11); *вдруг как захохочет, вдруг захохотала* наряду с *хохотать* (пример 11). Подобно выражению значения результативности действия («перфектного» значения, см. 4.1) выражение значения пунктивности действия («аористного» значения) не закреплено в восточнославянских языках за системой глагольных форм прошедшего времени и осознается в первую очередь, как представляется, в связи с описанием способа действия. Думается, что приведенные выше аргументы доказывают несостоятельность попытки объяснить феномен транспозиционного употребления форм инфинитива, императива и междометий в восточнославянских языках как реликтовых форм общеславянского аориста.

4.3. В области противопоставления значений моментального и дуративного процессов протекания действия в прошлом в восточнославянских языках также не наблюдается остатков форм старых прошедших времен – аориста и имперфекта (см. 1.1), – но зато представлены следы древней индоевропейской корневой оппозиции, в которой семы моментального и дуративного способов протекания действия соответственно включены

в лексическую семантику парных однокорневых глаголов (см. 1.1). Отнесенность действия в прошлое маркируется формой на -л, ср.:

(12) Мы *слышали* еще два выстрела, и кроме шума волн уже ничего не *слыхали* (Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника); Что *слышал*? – Ничего не *слыхал*. – Что *видел*? – Ничего не *видал*. (В.Г. Короленко. Сон Макара).

В силу лексической семантики глаголов оппозиция не может быть представлена в настоящем: моментальность (пунктивность) действия предполагает его законченность, а значит связанность с прошлым или – теоретически – с будущим. Данная оппозиция в будущем практически не представлена в восточнославянских языках индоевропейскими парными глаголами, ср.: русск. *буду слышать*/**буду слыхать*; *буду видеть*/**буду видать*. Она может быть выражена только в прошлом, так же, как оппозиция однократности/повторяемости действия (см. 4.1, ср. пример 8).

«Неразвитость» грамматической категории будущего (или настоящего?) времени в восточнославянских языках свидетельствует, на наш взгляд, еще раз о том, что протекание действия во времени в языке восточных славян проявляется прежде всего не системой глагольных времен, а описанием способа действия. Аналитическая форма будущего времени с асемантичным вспомогательным глаголом *быть* утверждается в русском языке лишь в XVIII веке. До этого, как известно, для отнесения действия в будущее использовались глаголы с модальными и начинательными значениями, ср. [Eckert et al. 1983: 168 и сл.]. Аналитическая форма употребляется только для образования будущего времени от глаголов несовершенного вида, т.е. таких, которые обозначают дуративные способы протекания действия. Недуративные (квазимоментальные) действия в восточнославянских языках не выражены в настоящем: законченность действия связана с его отнесением в прошлое или будущее. Грамматические формы настоящего времени от глаголов совершенного вида выступают как транспозиционные формы для обозначения действия в будущем. Таким образом, у глаголов совершенного вида грамматическая категория настоящего времени является «дефективной». (В этой связи следует вспомнить грамматические идеи К.С. Аксакова и Н.П. Некрасова о нерелевантности категории времени для русского глагола, см. 2.) Отражение протекания действия в будущем в языке восточных славян безусловно требует дальнейшего изучения, что не входит в задачи настоящего исследования. Приведем лишь в качестве сравнения пример положения в болгарском языке, где при живой разветвленной системе прошедших времен (см. 1.2) наличествует и детализированная система будущих времен, ср.: *ще чета* (действие, которое будет совершено после момента речи), *ще съм (ще бъда) прочел* (будущее предварительное: действие, которое завершится в будущем до определенного момента в будущем, о котором говорится в момент речи); *ях да чета* (будущее время в прошлом: действие, которое предстояло совершить в прошлом после момента, о котором говорится в момент речи); *ях да съм (да бъда) прочел* (будущее предварительное время в прошлом: действие, которое предполагалось совершить в прошлом после определенного момента в прошлом, о котором говорится в момент речи).

4.4. Итак, анализ современного состояния восточнославянских языков, их различных, прежде всего ненормированных, устных, живых форм существования, в сравнении с данными исторического анализа памятников восточнославянской письменности подтверждает наш тезис о том, что для языка восточных славян была не характерна сложная система прошедших времен. Значение протекания действия в прошлом маркировалось и маркируется единственно причастием прошедшего времени на -лъ. Наличие в современных восточнославянских языках каких бы то ни было следов старых форм перфекта, плюсквамперфекта, аориста и имперфекта представляется недоказуемым. Напротив, в них представлены веские доказательства того, что различные нюансы протекания действия в прошлом – как и нюансы протекания действия во времени вообще – отражаются в языке преимущественно не с помощью системы (прошедших) времен, но

путем описания способа протекания действия как продолжительного (дуративного) или непродолжительного (пунктивного) процесса. Для этого используется целый ряд грамматических и лексических языковых средств.

5. ВЫДВИГАЕМАЯ ГИПОТЕЗА

Проведенное исследование позволяет выдвинуть следующую гипотезу, для укрепления теоретического статуса которой необходимы, разумеется, дальнейшие практические изыскания и теоретические размышления:

1) Славянские языки, которые по данным сравнительно-исторического языкознания отличаются в индоевропейской семье особой генетической близостью, проявляют значительные различия в области отражения процесса протекания действия во времени. Это связано, по-видимому, с когнитивными различиями в восприятии сути данного феномена и концентрации системообразующего смысла в двух различных плоскостях восприятия: в дейктической плоскости, категоризирующей действия как явления прошлого, настоящего и будущего, или в плоскости восприятия действия как продолжительного (дуративного) или непродолжительного (пунктивного) процесса.

2) Данный вывод опирается прежде всего на факт отсутствия в восточнославянских языках сложной системы прошедших времен (представленной в южнославянских) и употребление в них для выражения различных нюансов протекания действия в прошлом всевозможных языковых средств, описывающих способ протекания действия.

3) Заключение об отсутствии системы прошедших времен вытекает из анализа памятников восточнославянской письменности и языкового материала современных русского, украинского и белорусского языков. Наличие каких бы то ни было следов сложной системы прошедших времен как в истории восточнославянских языков (по крайней мере, начиная с письменной фиксации общевосточнославянского в конце X века), так и на современном этапе их существования представляется принципиально недоказуемым. Отнесение действия в прошлое маркируется единственно формой на -л. Напротив, описание способов протекания действия во времени как отражение дуративных или пунктивных процессов широко представлено помимо компонентов лексической семантики соответствующих глаголов использованием дополнительных лексических языковых средств и транспозиционным употреблением всевозможных форм глагола с учетом их грамматического и лексического значения.

4) Подтверждением выдвинутой гипотезы может также служить «неразвитость» категории будущего и настоящего времени и «лексикализованность» категории вида в восточнославянских языках (в сравнении с южнославянскими). Оба феномена требуют в этом плане, разумеется, более глубокого изучения.

5) Сделанные выводы не противоречат по своей сути общей системе знаний о близком родстве славянских языков в индоевропейской семье. Для выражения одного понятия языковой фонд, как известно, располагает целым рядом различных языковых средств. Восточнославянские языки (так же, как южнославянские) используют для описания понятия протекания действия во времени общеславянский арсенал языковых средств, выбирая из него те, которые наиболее соответствуют потребностям носителей данных языков для отражения специфических нюансов и модификаций языковой картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адодуров 1731 – В.Е. Адодуров. Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache // Е. Вейсманн. Немецко-латинский и русский лексикон. Приложение. СПб., 1731.
- Аксаков 1875 – К.С. Аксаков. О русских глаголах // Полное собрание сочинений. Т. 2. Ч. 1. М., 1875.
- Болдырев 1812 – А.В. Болдырев. Рассуждение о глаголах // Труды Общества любителей российской словесности. Ч. 2. СПб., 1812.

- Борковский 1949 – В.И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.
- Борковский 1978 – В.И. Борковский. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.
- Борковский, Кузнецов 1965 – В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Будде 1892 – Е.Ф. Будде. Русский глагол сравнительно с церковнославянским // РФВ. Т. XXVII. Варшава, 1892.
- Буслаев 1959 – Ф.И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Вайс 1993 – Д. Вайс. Двойные глаголы в современном русском языке // Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация. Акты международной конференции Certosa di Pontignano (Siena) 26.–29.3.1992 (= Slavistische Beiträge. Bd. 305). München, 1993.
- Виноградов 1972 – В.В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Виноградов 1982 – В.В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982.
- Винокур 1959 – Г.О. Винокур. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Востоков 1831 – А.Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1831.
- Гаспаров, Сигалов 1974 – Б. Гаспаров, П. Сигалов. Сравнительная грамматика славянских языков. Тарту, 1974.
- Диалектные различия 1998 – Диалектные различия русского языка. Морфология. Программа собирания диалектного материала. М., 1998.
- Ефимов 1937 – А.И. Ефимов. К истории форм прошедшего времени русского глагола // Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та. Вып. 2. Пермь, 1937.
- Живов 1998 – В.М. Живов. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов. Краков, 1998 г. Докл. рос. делегации. М., 1998.
- Живов 1996 – В.М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Иванов и др. 1990 – В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1990.
- Истрина 1919 – Е.С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // Изв. ОРЯС АН. Т. XXIV. М., 1919.
- Киреевский 1861 – И.В. Киреевский. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1861.
- Круглов 2004 – В.М. Круглов. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб., 2004.
- Кубрякова 2004 – Е.С. Кубрякова. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Ломоносов 1755 – М.В. Ломоносов. Российская грамматика. СПб., 1755.
- Менгель 2002 – С. Менгель. К истории становления русского литературного языка нового типа // ИАН СЛЯ. 2002. № 5.
- Мистрик 1985 – Й. Мистрик. Грамматика словацкого языка. Братислава, 1985.
- Некрасов 1865 – Н.П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
- Обнорский 1946 – С.П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946.
- Обнорский, Бархударов 1952 – С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1952.
- Павский 1850 – Г.П. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. СПб., 1850.
- Петрухина 2000 – Е.В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Пешковский 2001 – А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- Пожарицкая 1997 – С.К. Пожарицкая. Русская диалектология. М., 1997.
- Понамарів 1997 – О.Д. Пономарів (ред.). Сучасна українська мова. Київ, 1997.
- Потебня 1958 – А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I–IV. М., 1958.
- Размусен 1891 – Л.П. Размусен. О глагольных временах // ЖМНП. № 6. СПб., 1891.
- Ремнева 1995 – М.Л. Ремнева. История русского литературного языка. М., 1995.
- Ремнева 2003 – М.Л. Ремнева. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.

- Рождественская 1994 – Т.В. Рождественская. Надпись с именем князя Мстислава из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Древний Псков. Исследования средневекового города. Мат-лы конф. Санкт-Петербург, 20–21.05.1992. СПб., 1994.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Соболевский 1939 – С.И. Соболевский. Грамматика латинского языка. М., 1939.
- Соболевский 1980 – С.И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980.
- Столярова 1998 – Л.В. Столярова. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998.
- Ткаченко 1979 – О.Б. Ткаченко. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.
- Успенский 1987 – Б.А. Успенский. История русского литературного языка. München, 1987.
- Хабургаев 1988 – Г.А. Хабургаев. Дискуссионные вопросы истории русского литературного языка (древнерусский период) // Вестник МГУ. Сер. 9: ФН. № 2. М., 1988.
- Шахматов 2001 – А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 2001.
- Якубинский 1953 – Л.П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.
- Янкоўскі 1983 – Ф. Янкоўскі. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Мінск, 1983.
- Aizetmüller 1978 – R. Aizetmüller. Altbulgarische Grammatik. Freiburg i. Br., 1978.
- Bauernöppel et al. 1980 – Jo. Bauernöppel, H. Fritsch, B. Bielfeldt. Kurze tschechische Sprachlehre. Berlin, 1980.
- Brugmann, Delbrück 1967 – K. Brugmann, B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 2. Leipzig, 1967.
- Daiber 2004 – T. Daiber. Aoristische Reste im modernen Russischen // B. Hansen (Hrsg.). Linguistische Beiträge zur Slavistik. XI. JungslavisInnen-Treffen in Cambridge 19–22 September 2002. München, 2004.
- Eckert et al. 1983 – R. Eckert, E. Crome, Ch. Fleckenstein. Geschichte der russischen Sprache. Leipzig, 1983.
- Faßke 1981 – H. Faßke. Grammatik der obersorbischen Sprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1981.
- Gutschmidt 1997 – K. Gutschmidt. Die Sprache der Vorreden Francisk Skorina zu den Büchern des Alten Testaments und die sog. «einfache» Sprache bei den orthodoxen Slaven // A. Guski, W. Košni (Hrsg.). Sprache – Text – Geschichte. Festschrift für K.-D. Seemann. München, 1997.
- Hüttl-Folter 1983 – G. Hüttl-Folter. Die *trat / torot*-Lexeme in den altrussischen Chroniken. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der russischen Literatursprache. Wien, 1983.
- Issatschenko 1983 – A. Issatschenko. Geschichte der russischen Sprache. Bd. 2. Heidelberg, 1983.
- Ludolf 1696 – H.W. Ludolf. Grammatika Russica. Oxford, 1696.
- Mazon 1914 – A. Mazon. Emploi des aspects du verbe russe. Paris, 1914.
- Mengel 1998 – S. Mengel. Besonderheiten der Schrift- und Standardsprache(n) im Ostslavischen (unter spezieller Berücksichtigung der Normierungstendenzen) // H. Jellite (Hrsg.). Slavistische Studien zum XII. Internationalen Slavistenkongreß in Krakau 1998. Frankfurt-am-Main, 1998.
- Mengel 2004 – S. Mengel. Die «einfache Sprache» der hallischen Bibelübersetzungen ins «Russische» // V. Lehmann, L. Udolph (Hrsg.). Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia. Festschrift für K. Gutschmidt zum 65. Geburtstag. München, 2004.
- Mengel, Heyl 1995 – S. Mengel, S. Heyl. Normvarianten oder gleichberechtigte Dubletten? Zur Entwicklung des gemeinslawischen Deklinationssystems in ostslawischen Sprachen. (Eine Vergleichsstudie Russisch – Ukrainisch – Weißrussisch) // Innerslavischer und slavisch-deutscher Sprachvergleich (= Beiträge zur Slavistik, Bd. XXVII). Frankfurt-am-Main, 1995.